

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_8

EDN: VUUBER

Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные»

Ольга Владимировна Богданова^{1✉}, Миньцзе Лю²

¹Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

²Аспирант кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет. 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, стр. 10

¹olgabogdanova03@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²1048795611@qq.com, <http://orcid.org/0000-0002-1337-4154>

Аннотация. Работа посвящена анализу рассказа Ивана Бунина «Птицы небесные» (1927), первоначально появившемуся в печати под названием «Беден бес» (1909).

В статье в отличие от ранее проводимых исследований внимание обращено не только на образ центрального героя повествования, нищего странника Луки, «птицы небесной», но и на образ «безымянного» персонажа студента Воронова. Прослежена «птичья» символика парных образов, именно в сопоставлении друг с другом эксплицирующих важнейшие грани каждого из характеров.

Показано, что фольклорная образность и религиозная символика опосредуют не только характер странствующего нищего Луки (значение имени «свет»), выявляя его духовную, «небесную» сущность, но и эксплицируют особенности характера и портрета молодого героя-студента, героя медика и прагматика. Фамилия Воронов, происходящая от лексемы «ворон», птицы грозной и хищной, в русском фольклоре нередко связанной с нечистой силой, актуализирует аксиологические маркеры в поведении и восприятии суждений молодого барина-студента. «Безымянность» героя, которая нередко интерпретируется исследователями как собирательность характера, на самом деле оказывается нерелевантной для рассказа. Не имя собственное, но имя фамильное избирается Буниным для психологического портретирования героя, фамилия Воронов оказывается поэтологически значимой и семантически (символически) акцентированной в повествовании.

В ходе анализа выявляются интертекстуальные связи и аллюзии, поддерживающие смысловой контекст рассказа Бунина, и устанавливаются значимые переключки с произведениями Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Продемонстрировано, то позиция Бунина наиболее близка позиции Чехова и решительно антитетична позиции Горького, с его идеей «гордого человека».

В работе затронут вопрос двух вариантов рассказа «Беден бес» / «Птицы небесные». Предложен вариант интерпретации одного и другого названия.

Ключевые слова: И. Бунин; «Птицы небесные»; система образов; композиция; символика; фольклор; варианты

Для цитирования: Богданова О. В., Миньцзе Лю Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 8–19. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_8. <https://elibrary.ru/VUUBER>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Folklore and religious symbolism in Bunin's story «Birds of Heaven»

Olga V. Bogdanova^{1✉}, Minjie Liu²

¹Doctor of philological sciences, professor, leading researcher at the Research institute of educational regional studies, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moyka river embankment, 48

²A postgraduate student, department of the Russian language and literature, Far Eastern federal university. 690922 Primorsky region, Vladivostok, island Russian, village Ajax, 10

¹olgabogdanova03@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²1048795611@qq.com, <http://orcid.org/0000-0002-1337-4154>

Abstract. The article is devoted to the analysis of Ivan Bunin's short story «Birds of Heaven» (1927), which originally appeared in print under the title «Poor is the Devil» (1909).

In contrast to earlier research, the article focuses not only on the central character of the narrative, the wandering beggar Luke, the «bird of heaven», but also on the image of the «nameless» character of the student Voronov. The «bird» symbolism of the pair images is traced, explicating the most important aspects of each of the characters in their juxtaposition to one another.

It is shown that folklore and religious imagery and symbolism mediate not only the character of the wandering beggar Luke («light»), revealing his spiritual, «heavenly» essence, but also explicate the features of the character and portrait of the young hero-student. The surname Voronov, derived from the lexeme «raven», a fearsome bird and often associated in folklore with evil spirits, actualizes axiological markers in the behavior and perception of the young master's judgments. The «nameless» hero, often interpreted by researchers as a collective character, in fact turns out to be irrelevant to the story. It is not the first name, but the family name that Bunin chooses for the psychological portrayal of the hero; the surname Voronov turns out to be poetologically significant and semantically (symbolically) accentuated in the narrative.

The analysis reveals intertextual connections and allusions that support the semantic context of Bunin's story, and establishes significant references to the works of L. Tolstoy, A. Chekhov, M. Gorky. It is demonstrated that Bunin's position is closest to that of Chekhov and decisively antithetical to that of Gorky, with his idea of the «proud man».

The article touches upon the issue of two versions of the story «Poor Is the Devil» / «Birds of Heaven». The authors propose an interpretation of both the titles.

Key words: I. Bunin; «Birds of Heaven»; image system; composition; symbolism; folklore; variants

For citation: Bogdanova O. V., Mingjie Liu Folklore and religious symbolism in Bunin's story «Birds of Heaven». *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(1):8–19. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_8. <https://elibrary.ru/VUUBER>

Введение

Постановка вопроса и выдвижение гипотезы. Среди произведений Ивана Бунина, в целом достаточно хорошо отрефлексированных критикой, рассказ «Птицы небесные» один из немногих, который практически не привлекал внимания исследователей. Среди тех, кто вскользь касался текста «Птиц небесных», можно назвать имена А. Нинова [Нинов, 1964], Е. Полтавец [Полтавец, 2015], К. Галай [Галай, 2014], А. Боловиной [Боловина, 2015], И. Гнездилова и В. Яковлевой [Гнездилов, 2021]. Но и эти исследователи в основном сосредоточивали внимание лишь на отдельных аспектах анализа – в частности, на образе птиц в прозе Бунина. Целостному

анализу рассказ «Птицы небесные» прежде не подвергался, однако и этот текст несет на себе печать своеобразия художественного мировоззрения и особой творческой манеры, которые отличают прозу Бунина.

Цель статьи – отказаться от одностороннего восприятия рассказа Бунина «Птицы небесные» и предложить новые интерпретации текста, включив в поле исследования образ не только странника Луки, но молодого студента-медика, показать взаимозависимость характеров персонажей, актуализированную в том числе на уровне «птичьей» символики, заданной русским фольклором.

Методы исследования. В работе исследуются основные семантико-поэтологические особен-

ности текста, что предполагает проведение комплексного филологического анализа с точки зрения тематико-мотивного и образно-символического единства, интерпретации хронологического содержания, выявления особенностей вариативной композиционной структуры, выделения значимых интертекстуальных пластов. Целостный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия рассказа И. Бунина и объяснить причины обращения художника к отечественному фольклору.

История вопроса. Рассказ Ивана Бунина, известный сегодня под названием «Птицы небесные», появился в конце 1909 году в сборнике «Знание» (кн. 27) под заглавием «Беден бес». Изменение в титульный заголовок было внесено Буниным позже, уже в 1927 году, когда рассказ был частично переделан и в новой редакции опубликован в парижской газете «Возрождение» (№ 599, 22 января).

Сразу следует заметить, что при републикации в Париже текст рассказа подвергся серьезной переработке [ср.: Бунин, 1965, с. 523]: из него была исключена так называемая «третья» часть, достаточно большая и важная, заключительная, во многом смещавшая смысловые акценты наррации. Однако прежде, чем сравнить рассказовые варианты, обратимся к тому тексту рассказа «Птицы небесные», который сегодня признан каноническим.

Основная часть

Перитекстуальные особенности рассказа. Несомненно, что прежде всего внимание привлекают перитекстуальные особенности рассказа – в частности его название. Если первоначальный заголовок «Беден бес» представлял собой усеченную простонародную паремическую формулу «Беден бес – на нем креста нет» [Даль, 2004, с. 31], то название «Птицы небесные» изначально порождает аллюзию к Библии. Просвещенному читателю (особенно современнику Бунина) было очевидно, что в заголовочную позицию попала библейская цитата, почерпнутая из Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» (Мтф. 6: 26). В приведенной цитате из Библии птицы небесные становятся примером того, что в мире, согласно предназначению Божьему, каждый живет и трудится по-своему. И хотя птицы небесные не способны ни сеять, ни жать, ни собирать урожай, но

они красиво поют и радуют окружающих и потому Отцом Небесным они любимы, как и любое из Его творений.

Смена названия с очевидностью влечет за собой коррекцию идейного ракурса рассказа – библейский претекст метафоризирует содержание и заставляет искать в нем символические смыслы, образы и мотивы. Несомненно, первыми в этом образно-символическом ряду оказывается образ *птиц небесных*.

Образно-символическая система рассказа. На первый взгляд кажется, что образ *птиц небесных* связан исключительно с образом нищего и убогого странника Луки, о чем, как правило, и пишут современные исследователи [Боловина, 2015; Полтавец, 2015]. Герой-богомолец холодным зимним вечером бредет по заснеженной дороге в Знаменский монастырь, чтобы найти там приют и ночлег, но замерзает по пути, не достигнув цели («на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Бунин, 1965, с. 345]). Образ «птиц небесных», несомненно, ориентирован на восприятие судьбы нищего больного странника, по сути юродивого («дурачок», «бродяга по святым местам» [Бунин, 1965, с. 340]), и его бесмертной души, безвременно взлетевшей к небесным высям. Образ *душа-птица* традиционен как в целом для мировой литературы, так и для русской ментальности и русского фольклора в частности.

Образ богоугодного странствующего нищего со всей очевидностью несет на себе отсвет библейской мифологемы «птицы небесные». Его образ маркирован рядом характерологических черт и семантически значимых признаков. Прежде всего имя героя – Лука («Звать-то? Звали Лукой...») [Бунин, 1965, с. 343]).

Во-первых, имя Лука означает «свет» [Тихонов, 1995, с. 224], что напрямую связано с его «небесной» сущностью (как известно, в XIX веке значение имени обязательно учитывалось при крестинах и считалось, что оно осеняет весь жизненный путь его носителя) [Булгаков, 1958; Лосев, 1990; Доброхотов, 1996]. Не меньшую значимость имя героя несет и в литературном произведении [Степанов, 1985; Тименчик, 1992; Тумаркина, 1988; Кормилов, 1985; Карпенко, 1986; и др.]. По утверждению Ю. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен» и «„говорят“ имена по-разному» [Тынянов, 1977, с. 254].

Во-вторых, несомненно, при возникновении в тексте рассказа «Птицы небесные» имени героя

Лука естественным образом в сознании актуализируется и имя евангелиста Луки. То есть имя героя оказывается по-тыняновски «говорящим», «по-разному» говорящим и своими различными гранями связанным с библейскими мотивами и ассоциациями.

Внешний облик героя, бредущего по дороге, нищего и убогого, больного и сирого, моделирует образ «бродяги по святым местам» [Бунин, 1965, с. 340], пилигрима, ранее уже появлявшийся в стихах Бунина («Пилигрим», 1908). Семантически значимым при этом оказывается сам тип организации наррации – т. н. «путевой» сюжет, изображение героя-странника, героя-путника, идущего по дороге (дороге в Знаменское и – шире – дороге его жизни). Как известно, герой-странник, герой-путешественник – один из самых знаменательных типов литературного персонажа в русской прозе XIX века [Степанов, 2001, с. 181–210] (без сомнения, и в произведениях Бунина [см. об этом: Богданова, 2021]).

Ряд эпитетов, которые обрисовывают портрет странника Луки, показателен: «зипунишка» «старый» и «заплатанный», «костыль», «самодельная шапка с наушниками и назатыльником, мехом внутрь», «склоненная голова», «бледное и изможденное, простое и печальное» лицо [Бунин, 1965, с. 340–341]. Буниным создается узнаваемый образ странника-пилигрима, весьма типичный для литературных проекций. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов («зипунишка») придает портрету странника еще более щемящую «малость» и «мелкость» – «маленький человечек», именно так изначально номинирован герой. Можно предположить, что подобным определением Бунин словно бы встраивает образ Луки в ряд «маленьких людей» русской классической литературы – «маленьких героев» А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского и др.

Малость героя дополняет физическое состояние, которое избирает Бунин для его портретирования (болезнь): «По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затажной, мучительный» [Бунин, 1965, с. 340–341]. «Святой бродяга» тяжело болен и почти лишен сил. Неслучайна мысль второго героя рассказа «Птицы небесные» при взгляде на Луку: «...ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И как это он ухитряется ходить по такому морозу?» [Бунин, 1965, с. 341]. Почти точный повтор – «тонки и слабы», «тонки и стары» – *истончает*

связь этого героя с миром, усиливает впечатление его уже почти осязаемой надмирности.

Исследователи правы, когда проецируют образ «птиц небесных» на образ бунинского Луки, чья душа, подобно птицам, взлетела к небу. Между тем образ «птиц небесных» связан не только с образом странника, но и (как это ни странно на первый взгляд) с образом героя-студента. Примечательно, что фамилия второго героя, студента, «по-птичьей» характерологична – персонаж-студент носит фамилию *Воронов*. Можно предположить, что «птичья» фамилия, которой наделяет автор героя, не случайна, но семантически значима и выбрана для него преднамеренно.

Как известно, в славянском фольклоре образ ворона отчетливо маркирован и сопровождается самыми «тяжелыми» характеристиками. По народным представлениям, ворон причастен «нечистой силе», он связан с загробным миром, с миром мертвых. Уже только чёрный окрас оперения ворона наводит на «черные» мысли, заставляет видеть в его образе некую зловещую сущность. В народе ворона всегда почитали за ум, разумение, мудрость, но в фольклорных сказках ворон олицетворяет темные силы, нередко выступает вестником несчастий или близкой смерти. Ворон, как правило, оказывается в свите Бабы-яги, Кошечки и прочей нечисти. В крике ворона народ слышит слово «смерть». Значение образа-символа многозначно и многогранно, но в основном и главном образ ворона вбирает в себя семантику отрицательно-негативную, зловещую и пугающую [Иллюстрированная энциклопедия символов, 2003, с. 184–186].

Учитывая «темную» этимологию образа ворона, нетрудно понять, что в рассказе «Птицы небесные» фамилия героя *Воронов* имплицитно должна сформировать противостояние, маркирующее (взаимо)отношения странника Луки и студента.

На первый взгляд кажется, что студент сочувствует страннику Луке, кажется, он готов помочь «божьему человечку», предлагает ему полтинник, тревожится о его судьбе зимней вьюжной ночью. Между тем очевидно и другое – студенту Воронову малосимпатичен нищий странник, он не верит ему, первоначально видит в нем лукавого обманщика, наделяет Луку самыми обидными определениями-характеристиками.

Как ни странно, позиции героев в рассказе *исходно* противоположны: Бунин как будто бы «сближает» героев (по сюжету студент приближается к нищему, стоящему на мосту; позже до-

гоняет его на дороге), но подспудно автор «разводит» их, не акцентируя на этом особого внимания. Уже в пейзажной картине, открывающей рассказ, прозаик противопоставляет «сторону» Воронова и «сторону» Луки. «...оконца изб и кресты церкви на *противоположной* вороновской *стороне* еще горели лучистым золотом» [Бунин, 1965, с. 340]. В пейзаже изначально ощущимо противоположение – «вороновской стороны», темной, теневой, холодной («*темнели* сосны палисадника», «*дым из труб* дома поднимался в *чистое* <...> *небо*», «*черная, густая* зелень елок в вороновском палисаднике», «*мертвеющие сизые* крыши усадьбы» [Бунин, 1965, с. 340, 342]), и «лучистого золота» церкви, куда направляется Лука-свет, лучистого «горения» и тепла. (NB: на стороне Луки сельские дома с *оконцами* – форма слова и его уменьшительный суффикс порождают ощущение теплоты и уюта, авторской симпатии и нежности к этой «стороне»).

В отличие от Луки, молодой герой рассказа не имеет имени собственного, он безымянен – он представлен как *студент Воронов* [Бунин, 1965, с. 340]. Антропомастика в данном случае словно бы внешняя, сторонняя, ослабленная. Личностное начало, могущее быть обретенным персонажем посредством его персонального имени, растушевывается или даже обнуляется. Есть социальный статус, есть фамилия, но нет имени *собственного*.

Может показаться, что социальный статус «студент» имеет положительную аксиологию.

«– Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду... Понимаешь?»

– Дело хорошее... Как не понимать...» [Бунин, 1965, с. 342].

Оценка добросердечного Луки – *дело хорошее*. Однако применительно к безымянному персонажу последнее утверждение либо нивелируется, либо вызывает сомнение. Герой-доктор, казалось бы, должный сочувствовать больным людям, исходно не верит страннику, подозревает его в обмане:

«Студент сбежал к мосту, – он [Лука] все кашлял. <...> видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, *притворный*: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина...» [Бунин, 1965, с. 340].

Герою-студенту представляется, что кашель Луки вызван не хворью, а желанием получить от барина монету, искусственно и искусно вызвать

барское сочувствие демонстрацией болезни, кашля. Причем Бунин так описывает мысли студента Воронова, что читателю-реципиенту очевидно: будущий доктор нисколько не сомневается в своем представлении о *лукавом* нищем. Неслучайны вводные слова «верно», повторенные дважды и настойчиво. Герой-студент словно бы *уверяет* себя в этом суждении – «верно», «верно» [Бунин, 1965, с. 340]. Нельзя сомневаться, что для тонкого стилиста Бунина выбор именно этого вводного слова концептуально значим: вместо «сомнительных» *вероятно, возможно* как синоним и заместитель используется «утвердительно» *верно*.

Примечательно, как мысленно именуется (то есть характеризует) студент нищего странника. В несобственно-прямой речи (от автора) он видится герою «маленьким человечком», чуть позже он назван героем «дурачком», а к концу рассказа и еще более грубо и жестко – «дикарем» [Бунин, 1965, с. 344] и «чертом» [Бунин, 1965, с. 345]. В последнем случае речь, несомненно, идет о междометном восклицании («Замерзнет, *черт!*» – с сердцем подумал студент про нищего [Бунин, 1965, с. 345]), но Бунин ставит лексему «черт» в такую позицию, что она легко проецируется и на образ Луки-героя. Любой поступок и суждение Луки вызывают однозначно негативную реакцию студента-барина: «*Глупо*, – сказал он» [Бунин, 1965, с. 342].

Противоположна и поведенческая доминанта героев. Если настрой и поведение студента Воронова отличаются «бодростью», заметим: «*деланной* бодростью» [Бунин, 1965, с. 341]: герой «сбежал...», «крикнул...» [Бунин, 1965, с. 340], то Лука, наоборот, медлителен и спокоен: «...*медленно* побрел...»; «Черные глазки глядели со странным *спокойствием*» [Бунин, 1965, с. 341].

Весь облик нищего богомольца Луки необычен для студента Воронова. Автор трижды (четырежды) повторяет: «*Необычна* была <...> *аккуратность*, с которой лежали мешки за его спиной. *Необычен* и зипунишка, старый, но тщательно заплатаанный. И уже совсем *необычно* было лицо...» [Бунин, 1965, с. 341]. И необычность героя для молодого барина видится ему именно в том спокойствии и той простоте, с которыми говорил, двигался, ощущал себя Лука. Казалось, что всё в нем «*неожиданно* просто» [Бунин, 1965, с. 341].

Поведенческий код героя-студента. Примечательно, что герой студент у Бунина полон во-

просов. С одной стороны, может показаться, что это психологический признак молодости, который придает автор образу юного барина, демонстрируя его желание все (у)знать. Вся речь молодого персонажа исполнена (перенасыщена) вопросами: «Застыл, старик? <...> Дальний? <...> Давно удушье-то? <...> Селитру не жег? <...> А ночевать-то где ноне будешь? <...>» (и др.) [Бунин, 1965, с. 340–342]. Однако, с другой стороны, обилие вопросов студента несет в себе и иные смысловые коннотации: вопросы становятся признаком незнания и неопытности молодого человека. Его неумения разбираться в людях, в ситуации, в жизни. Последнее выразительно показано в восприятии студентом внешности Луки: он для него то «старик», то «подросток лет под сорок», то «дядя» [Бунин, 1965, с. 341]. Или в эпизоде, когда студент советует нищему использовать от кашля селитру: нищий внешне как будто бы покорно соглашается с будущим доктором («Это можно. Деньги не велики» [Бунин, 1965, с. 342]), но при этом «не придав, видимо, ни малейшего значения селитре» [Бунин, 1965, с. 342]. Бунин не объясняет причину невнимания странника к совету студента, но за его равнодушием ощутим и опыт жизни (вероятно, он уже многое перепробовал в своей жизни), а, может быть, понимание неизбежности собственной обреченности. В любом случае за спокойной реакцией Луки ощутим некий жизненный опыт, которого у студента явно нет. Опыт жизни противопоставлен лекционному знанию, причем у Бунина явно не в пользу последнего. Заметим, натуральный *перец*, который в борьбе с кашлем использовал Лука, противопоставляется Буниным химической *селитре*, рекомендованной студентом-медиком.

Всякий раз задавая страннику вопрос, молодой человек внутренне уже предполагает, каким будет ответ. Однако каждый раз он обманывается.

Видя «тонкую» и «плохую» «одежу» нищего, студент спрашивает, озяб ли странник, и полагает, что ответ будет «да». Однако ответ другой. «Нет, – ответил он <...> Застыть не застыл...» [Бунин, 1965, с. 341].

Слыша, что нищий бредет в далекое Знаменское, студент удивляется: «Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой придешь!» (NB: !). «Мне спешить некуда, – ответил нищий и так просто, что студент слегка *сместался*» [Бунин, 1965, с. 342].

На вопрос: «Побор в мешках-то?» – «святой бродяга» несогласно восклицает: «Ну, побор! [= *нет*] Добришко...» [Бунин, 1965, с. 342].

Позиции героев ни в едином «вопросе» не совпадают.

Даже в ситуации «одаривания» нищего («Ну-ка вот тебе полтинничек» [Бунин, 1965, с. 343]) герой барин ожидает иной реакции: «Студент ждал великой радости, но поблагодарил нищий довольно *спокойно* <...>» [Бунин, 1965, с. 343].

Молодой герой-студент, как ему кажется, знает практически все: что лучше, что хуже, что дальше, что ближе, что полезнее, что глупее. Он легко подразделяет мир (= жизнь) на разные и четко очерченные половинки. Тогда как странник Лука принимает жизнь всецело, во всех ее проявлениях. Холод, нищета, дальняя дорога, болезнь не пугают его. Он готов к любому исходу: «Ночевать везде можно...» [Бунин, 1965, с. 342].

Фразеологический пласт рассказа. Жизненный опыт и жизненные наблюдения Луки кристаллизуются в его речи посредством фразеологических оборотов, паремических формул. Мудрость общенародная становится его собственной мудростью, вековые знания народа – его личным знанием.

Суждения Луки не просто лаконичны, но афористичны, мудры и смыслоемки:

«И замерзнешь, не откажешься»;

«Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет – везде»;

«Да и помирать-то не десять раз, а всего один» [Бунин, 1965, с. 343].

Бунин использует известные народные пословицы, зафиксированные (в том числе) в словаре В. И. Даля, и вкладывает их в уста героя-странника, тем самым придавая им речевую простоту и некоторую спонтанность. Герой Лука словно бы сам (по)рождает афоризмы, сам генерирует народную мудрость, становясь аккумулятором мудрости всего русского народа [Даль, 2004, с. 152, 230].

Пожалуй, центральной (и ключевой для рассказа) мудростью, которой делится со студентом Лука, становится суждение: «Беден только бес, на нем креста нет» [Бунин, 1965, с. 343]. В теперешнем «каноническом» тексте эта фраза звучит дважды. Но, если вспомнить, что усеченная форма этого афоризма стояла в заглавии рассказа при публикации 1909 года, то является *триада* – заметим, тоже фольклорный маркер. Троекратность формулы (как в русских народных сказках)

эксплицирует ее константность, словно бы подтверждает ее правоту и справедливость.

В тексте рассказа герой Лука произносит фразу «Беден только бес, на нем креста нет» дважды: вначале, когда студент предлагает ему дать денег: «Слушай, – сказал студент, – пойдем к нам. Я бы тебе *деньжонок дал...*» [Бунин, 1965, с. 342]. Во второй раз, когда студенту кажется, что в заплечном мешке странника хранится «побор» (милостыня, дары). Студент ориентирован на материальное – ему кажется, что в вещном («деньжонки», «побор») заключено спасение от несчастий, осчастливливание Луки.

Однако, по глубоко верующему Бунину, человек живет (должен жить) верой в Бога, в опоре не на материальные ценности, но на духовные богатства. Потому беден и несчастен *бес*, поскольку он не крещен, «на нем креста нет». И хотя впрямую Бунин не упрекает героя-студента в склонности к материальному (или химическому – селитра), но дважды произнесенная истина бросает отсвет и на персонажа-студента, будущего врача, героя-материалиста. Некое бесовское начало имплицитно проступает и в образе молодого героя-студента.

В ходе сюжетного развития рассказа, в контексте диалога-размышлений героев о вере, о материальном и духовном, в рассказовой наррации возникает центральный образ текста – образ «птиц небесных».

Удивленный речами Луки («Студент с удивлением взглянул в лицо нищего» [Бунин, 1965, с. 344]) молодой герой задает очередной вопрос страннику: «Живешь, как птицы небесные?» [Бунин, 1965, с. 344]. И ответ героя снова «смущает» и «удивляет» студента: «А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся» [Бунин, 1965, с. 344].

Как видно, философия героя (над которой внутренне иронизирует студент) состоит в том, чтобы верить в Бога – «В Бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он» [Бунин, 1965, с. 344]. Верить в Бога и полагаться на его волю («чтобы Бог дал благополучную дорогу» [Бунин, 1965, с. 344]) – таков жизненный закон странника, залог его душевного покоя и уверенности в будущем (каким бы оно ни было). Как показывает Бунин, в сознании Луки народная мудрость, проверенная веками, срastается с прочными христианскими догмами и обеспечивает герою знание о «царствии Божиим внутри нас», дарует ему близость мироощущению «птиц небесных».

Семантика финала рассказа. Между тем одним только противопоставлением героев рассказ Бунина не заканчивается. Финал рассказа трагичен, причем двойственно трагичен.

Завершается «канонический» текст бунинского рассказа не выходом героев в сферы «птичьих-небесных», но совершенно иными горизонтами, другими значимо актуальными символами. Заключительную часть рассказа «Птицы небесные» составляет подробно-детальное описание мира студента, его интересов и увлечений. Оказавшись после расставания с Лукой в поместье и оставшись один, как замечает Бунин, студент «с вечера читал Юнга» [Бунин, 1965, с. 344]. При взгляде на ночное небо герой-студент видел не «свет Божий» [Бунин, 1965, с. 344], а рассматривал созвездия Близнецов, «зерна Волопаса», «треугольником дрожащего расплавленного золота висе[вшую] там Венеру» [Бунин, 1965, с. 345]. Материальный мир студента смотрел на него с небес не глазами Господа, но пугающими, широко «раскинутыми, кровавыми глазами» планет Арктура и Марса.

В беседе со странником сравнив его с «птицей небесной», теперь в доме, вспоминая нищего, студент грубо и жестоко называет его «дикарем» и (почти) «чертом». Более того, в удаленной из текста финальной части рассказа (но оставшейся в составе рассказа до 1927 года) герой-студент даже собирался написать рассказ об увиденном им нищем бродяге: «Хотелось написать рассказ... <...> Хотелось озаглавить зло и резко: „Дикари“» [Бунин, 1965, с. 469]. Герой-студент раздражен непросвещенностью и глупостью («глупо») богомольца.

В заключительной части рассказа становится особенно очевидно, что если простой и убогий нищий у Бунина имплицитно сравнивается с «птицей небесной», то материалистически настроенный герой-студент соотносится с пугающей «темной» птицей вороном, с предвестием беды, несчастия, смерти. Именно так и происходит в рассказе – материализм и прагматизм студента-медика Воронова не спасли Луку («свет») от смерти. Единственное, на что готов был студент, – по-вороньи «накаркать»: «Да ведь замерзнешь!» [Бунин, 1965, с. 343] и «Да скажи, как поминать тебя» [Бунин, 1965, с. 343]. Его знание оказалось не пророчески дружеским, товарищеским, обнадеживающим, спасительным, но прогностически, диагностически угрожающим и неизбежным.

Примечательна и последняя фраза, которая завершает рассказ: «...мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Бунин, 1965, с. 345]. Если в начале рассказа Лука воспринимался героем как «маленький человечек», если позже в его глазах он становился «еще меньше» [Бунин, 1965, с. 344], то к финалу рассказа от Луки-света в восприятии студента ничего не осталось, только *тело*. Бунин показал: его герой, студент-медик, и после встречи со «светлым» Лукой не прикоснулся к пониманию «птиц небесных», не сумел научиться различать «крестом простертые крылья» [Бунин, 1965, с. 343] мельницы-ветряка или божьего человека-странника. Забота о нищем и медицинские рекомендации были демонстрацией собственной просвещенности молодого героя, экспликаций его мнимого «ученого» статуса и требующего уважения высокомерия – по сути пестуемой им модной «сверхчеловечности».

Интертекстуальные проекции рассказа.

Последнее утверждение подводит к еще одному ракурсу анализа рассказа Бунина «Птицы небесные» – к проблеме интертекстуальных аллюзий, литературных отсылок и связей, которые проступают в бунинском (под)тексте. Так, можно заметить, что в ходе прочтения «короткого» рассказа Бунина возникают ощутимо емкие литературные проекции, среди которых в первую очередь (как минимум) апелляции к творчеству Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького.

О связях Бунина и Л. Толстого довольно подробно писала Е. Ю. Полтавец в статье «Лев Толстой и Иван Бунин – „птицы небесные“ русской литературы (оринитосемантика: код и контекст)» [Полтавец, 2015], правда, акцент был сделан преимущественно на образах птиц в прозе Толстого и Бунина. Нам же представляется, что главным ракурсом сопоставления должен быть избран герой, а именно – *студент*.

При знакомстве с текстом бунинского рассказа номинация «студент» привлекает особое внимание. Бунин не называет героя «молодым баринном», каковым он является, не дает ему имени собственного, но представляет как *студента Воронова* [Бунин, 1965, с. 340]. На первый план автором выдвинут социальный статус персонажа и зафиксирован однозначно и четко. Многократное повторение именованного «студент» усиливает первоначальное впечатление.

Напомним, что горячо почитавший писателя и сердечно любивший человека А. П. Чехова, Бунин, несомненно, хорошо знал творчество писа-

теля-современника, в том числе (с очевидностью) и чеховский рассказ «Студент» (1894), некоторыми исследователями признанный как «самый толстовский рассказ Чехова» [Богданова, 2021, с. 5–42]. В современном прочтении основным содержанием рассказа Чехова признана не идея «духовного перерождения героя», о которой писали и пишут практически все чеховеды [Измайлов, 2003; Катаев, 2008; Чудаков, 1986; Тюпа, 1989; Есаулов, 2017; Злочевская, 2001; и др.], но идея развенчания поверхностной зависимости от Библии, показного и театрального богопочитания, самолюбования в проекциях библейских историй, увлеченная игра в толстовство [Богданова, 2019, с. 331–356]. Фактически Чехов выстраивает весь текст рассказа «уж очень побогословски», очень в писательской манере «великого старца» и действительно может быть воспринят не подражанием, а мастерским творческим спором с Львом Толстым [Богданова, 2019, с. 340–351].

В представлении Чехова его герой-студент не искренне погружен в древнюю историю событий Святой Пятницы, но «рисует», играет перед нищими необразованными женщинами, встреченными им на пути холодным вечером. Вся внутренняя речь студента свидетельствует об ожидании желаемого производимого эффекта как перед «двумя вдовами», так и перед самим собой.

Выше было показано, что и в рассказе Бунина «мучительные» переживания молодого барина о судьбе нищего странника Луки не глубоки. В финале они особенно активно перемежаются сторонними отвлекающими сведениями, в том числе упоминанием Юнга (почти *позой* молодого студента), увлеченным рассматриванием звездного неба и страстным поиском узанных небесных планет. Вся заключительная часть бунинского рассказа (его канонического варианта) ориентирована не на нищего, не на судьбу странника, но на самого героя. Упоминание «тела» на зимней дороге становится в черед впечатлений центрального персонажа почти случайным, значимым, но далеко не главным. Купированная «третья часть» первоначального текста рассказа «Беден бес» свидетельствует именно об этом – известие о смерти нищего странника не вызывает сочувствия молодого героя-студента, только еще больше раздражает его, убеждает в его декларированной правоте и, как следствие, правомерности аксиологического определения,

данного им страннику Луке, – «дикарь» [Бунин, 1965, с. 345].

Душевная черствость словно бы унаследована бунинским студентом от студента чеховского. Желание покрасоваться перед сирыми и убогими демонстрируют оба героя, внутренне оставаясь равнодушными к их судьбам. Желание героя написать книгу – в исключенной в 1927 году «третьей части» рассказа – связано не с возможным (и «затекстово» ожидаемым) уважением и преклонением перед стоической судьбой простого русского человека, но с намерением развенчать его «глупость», «дикость», непросвещенность. Душевные (и духовные) устремления Луки, простота и непритязательность этой «птицы небесной» никак не трогают героя-студента, не порождают желаний написать о них, задуматься об их природе. В центре мира студента-медика – не люди, не Бог, но он сам, его прикладное знание и материалистическое мировидение.

В связи с интертекстуальными проекциями примечателен и тот факт, что героя-странника Бунина зовут Лука. Напомним, что к моменту создания «Птиц небесных» уже была написана активно популярная пьеса М. Горького «На дне» (1903) с героем-странником Лукой, задуманная и воплощенная практически в тот самый период, когда в Крыму невдалеке от Чехова проживал и Бунин. В Петербурге Бунин активно сотрудничал с Горьким, в частности, участвовал в его книжном издании «Знание», однако отзывы о человеке и писателе Горьком Бунин оставил весьма нелицеприятные. Можно предположить, что после создания пьесы «На дне» не только Чехов [Богданова, 2019, с. 533–580], но и Бунин (в Крыму или позднее) участвовал в обсуждении текста «картин» и, подобно Чехову, вряд ли разделял воплощенные в них идеалы Горького.

В те годы Горький неизменно возвращался к рефлексии на одну и ту же – онтологическую – тему, неустанно питался принципами своей ранней романтической парадигмы, стремясь литературой (творчеством) внедриться в «живую» жизнь, при этом проповедуя идеалы беспредметно-абстрактного философского знания – например, как в «На дне»: (I) пещера Платона (недочеловеки) → (II) христианство (Лука-свет) → (III) гордый человек (сверхчеловек Ницше) [Богданова, 2019, с. 533–580].

Постнищенский «Гордый Человек» Горького [Богданова, 2019, с. 550–569], впервые выведенный в его «босаяцких» рассказах, в растушеванном виде (образы Пепла и Сатина) присутст-

вовал и в пьесе «На дне», становясь тем умоглядным идеалом, к которому взывал тогда писатель-буревестник. Низвергнутый Чеховым в образе «вечного студента» Пети Трофимова в «Вишневом саде» [Богданова, 2019, с. 463–510], тот же около-горьковский тип возник и на страницах бунинского рассказа. Непоименованный студент Воронов стал бунинским вариантом горьковского «гордого человека», не сумевшего проникнуться христианскими и народными – общечеловеческими – идеалами, не способного философски (или хотя бы глубинно) осмыслить простоту и «дикость» «птиц небесных». Студент Воронов вобрал в себя отсветы *птичьей* символики Горького и стал продолжением переосмысленного Чеховым «вечного студента» медика Пети Трофимова.

Структурные сдвиги в композиции рассказа. Наконец, рефлексии заслуживает структурно-композиционная переработка, предпринятая Буниным в 1927 году в отношении к тексту рассказа «Беден бес» [Бунин, 1965, с. 467–469].

Как уже было сказано, из текста рассказа была изъята «третья» заключительная часть повествования, где изображались похороны почившего странника Луки. Более того, в этой части присутствовал и «боковой» мини-сюжет, где появлялся еще один бедный мужик и сообщалось, что в могилу странствующего нищего был «без подати» положен и еще один гробик, маленькой девочки несчастного безденежного отца.

И торопливые похороны «этого странного, всем чужого покойника» [Бунин, 1965, с. 468], и короткая история несчастного отца («поставлю я ее с господом на этого самого странничка – и шабаш!») [Бунин, 1965, с. 468]) не столько добавляли что-то новое к «небесной» сущности одинокого и забытого вскоре бродяги, сколько вводили сюжет к трагической картине двойного захоронения и брошенной «безымянной могилы» [Бунин, 1965, с. 469]. Образ странника Луки растушевывался в подобии и случайном множестве странных и трагических судеб простого народа, сюжет с «маленьким гробиком» вводил повествование в сторону.

Финальный «избыточный» эпизод был удален Буниным из текста рассказа, прежнее название «Беден бес» заменено на «Птицы небесные».

С одной стороны, оба паремических оборота, которые были использованы Буниным в качестве заглавия, звучат в речи странника Луки и словно бы связаны в первую очередь с ним. Кажется, особой причины к смене названия у Бунина не

было. Однако, с другой стороны, очевидно и то, что смысловой акцент при смене названия смещался и корректировался. В первоначальном варианте в титуле оказывался (несмотря на узнаваемую современниками фразеологему) образ беса, в окончательном варианте – образ «птицы небесной». Новое название усиливало и аккумулятировало акцент на образе Луки, его образно-смысловая значимость возрастала и придавала рассказу центростремленный характер. Изъятие дополнительного подсюжета «расчищало» пространство вокруг образа странствующего нищего, ставило его образ, а не рефлексию просвещенного студента в центр наррации. Рассказ обретал большую цельность и философическую настроенность. Если в первом варианте доминировали представления студента (именно они завершали повествование, именно его понимание мира преобладало), то второй вариант вуалировал итоговую точку зрения студента, лишал его «последнего слова», и в тексте контурировалась дифференция между позицией молодого героя-студента и незримого повествователя (в итоге alter ego автора). В рассказе «Беден бес» центральную позицию занимал молодой герой («биографически» очень близкий автору), но в «Птицах небесных» Бунин (уже умудренный жизненным и писательским опытом) сдвигал акценты и в эпицентре оказывалась не «смущенная» жизненным наблюдением реакция героя-студента («Но дикари ли? Да и смущал, трогал детский гробик...») [Бунин, 1965, с. 469]), но надтекстовая позиция автора, самого Бунина, к тому времени уже эмигранта, много пережившего и испытавшего, тоже «странника».

Заключение

Таким образом, завершая наблюдения над текстом рассказа Бунина «Птицы небесные», можно сказать, что фольклорная стихия, в данном случае слитая со стихией религиозного мироощущения, позволяла писателю тоньше и поэтичнее выразить семантически значимые акценты рассказовой наррации. Народная точка зрения, особенно обострившаяся в годы парижской эмиграции, выходила в его текстах на передний план, эксплицированная обращением к русскому фольклору, в прежнем жизненном опыту и знанию, обретенному писателем с ранней юности в пределах отечества. Чуткость к народному фольклору помогала Бунину и в ситуации эмиграции аксиологически точно и корректно выра-

жать собственную точку зрения, выверять ее в согласии с опытом, обретенным на родине.

Библиографический список

1. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы Ивана Бунина. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 300 с.
2. Богданова О. В. Русская литература XIX – начала XX века. Традиция и современная интерпретация. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 732 с.
3. Боловина А. И. Религиозно-символическая семантика образов птиц в поэзии Г. Гессе и И. Бунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. Ч. III. С. 36–39.
4. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж : YMCA-press, 1958. 278 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. Москва : Художественная литература, 1965. Т. II. Повести и рассказы. 1890–1909. 527 с.
6. Галай К. Н. Зооморфные образы в произведениях И. Бунина (цикл «Темные аллеи») // Дискуссия. Сер. Филологические науки. 2014. № 5 (46). С. 134–137.
7. Гнездилов И. А., Яковлева В. Ю. Духовные искания героев в рассказах И. А. Бунина // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 407–409.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва : Русский язык, Медиа, 2004. 814 с.
9. Доброхотов А. Л. Мир как имя // Логос. Москва, 1996. Вып. 7. С. 47–61.
10. Есаулов И. А. Авторский текст и православный подтекст у Чехова // Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. Санкт-Петербург : РХГА, 2017. С. 267–294.
11. Злочевская А. В. Рассказ А. П. Чехова «Студент» // Русская словесность. Москва, 2001. № 8. С. 24–29.
12. Измайлов А. А. Чехов. 1860–1904. Москва : Захаров, 2003. 480 с.
13. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. Москва : Астрель, АСТ, 2003. 723 с.
14. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1986. № 4. С. 34–40.
15. Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. 9-е изд. Москва : Изд-во МГУ, 2008. Т. I. С. 498–501.
16. Кормилов С. И. Имена, отчества и фамилии литературных персонажей: к проблеме изучения // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. Москва : Изд-во МГУ, 1985. С. 160–178.
17. Лосев А. Ф. Философия имени. Москва : Изд-во МГУ, 1990. 269 с.

18. Нинов А. Бунин в «Знании» // Русская литература. 1964. № 1. С. 184–200.

19. Полтавец Е. Ю. Лев Толстой и Иван Бунин – «птицы небесные» русской литературы (2015). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/poltavec-lev-tolstoj-i-ivan-bunin.htm> (дата обращения: 10.02.2023)

20. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Москва : Ленанд, 1985. 331 с.

21. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е. Москва : Академический проект, 2001. 989 с.

22. Тименчик Р. Д. Имя литературного персонажа // Русская речь. 1992. № 5. С. 25–27.

23. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. Москва : Школа-пресс, 1995. 736 с.

24. Тумаркина Л. М. Антропонимика и проблема понимания художественного текста // Теория и практика литературоведческих и лингвистических исследований. Москва : Изд-во МГУ, 1988. С. 79–83.

25. Тынянов Ю. Литературный факт // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. С. 253–254.

26. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. Москва : Высшая школа, 1989. 135 с.

27. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Москва : Сов. писатель, 1986. 350 с.

Reference list

1. Bogdanova O. V. «Temnye allei» i drugie rasskazy Ivana Bunina = «Dark Alleys» and other stories by Ivan Bunin. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2021. 300 s.

2. Bogdanova O. V. Russkaja literatura XIX – nachala XX veka. Tradicija i sovremennaja interpretacija = Russian literature of the 19th – early 20th centuries. Tradition and modern interpretation. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. 732 s.

3. Bolovina A. I. Religiozno-simvolicheskaja semantika obrazov ptic v poezii G. Gesse i I. Bunina = Religious and symbolic semantics of bird images in the poetry of H. Hesse and I. Bunin // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov : Gramota, 2015. № 3 (45): v 3 ch. Ch. III. С. 36–39.

4. Bulgakov S. N. Filosofija imeni = Philosophy of the name. Parizh : YMCA-press, 1958. 278 s.

5. Bunin I. A. Sobranie sochinenij: v 9 t. = Collected works: in 9 vols. / pod obshh. red. A. S. Mjasnikova, B. S. Rjurikova, A. T. Tvardovskogo. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1965. T. II. Povesti i rasskazy. 1890–1909. 527 s.

6. Galaj K. N. Zoomorfnye obrazy v proizvedenijah I. Bunina (cikl «Temnye allei») = Zoomorphic images in I. Bunin's works (Dark Alleys series) // Diskussija. Ser. Filologicheskie nauki. 2014. № 5 (46). S. 134–137.

7. Gnezdilov I. A., Jakovleva V. Ju. Duhovnye iskanija geroev v rasskazah I. A. Bunina = The characters' spiritual quest in Bunin's stories // Molodoj uchenyj. 2021. № 3 (345). S. 407–409.

8. Dal' V. I. Poslovicey russkogo naroda = Proverbs of Russian people. Moskva : Russkij jazyk, Media, 2004. 814 s.

9. Dobrohotov A. L. Mir kak imja = The world as a name // Logos. Moskva, 1996. Vyp. 7. S. 47–61.

10. Esaulov I. A. Avtorskij tekst i pravoslavnyj podtekst u Chehova = Chekhov's text and orthodox subtext // Esaulov I. A. Russkaja klassika: novoe ponimanie. Sankt-Peterburg : RHGA, 2017. S. 267–294.

11. Zlochevskaja A. V. Rasskaz A. P. Chehova «Student» = A. P. Chekhov's story «The Student» // Russkaja slovesnost'. Moskva, 2001. № 8. S. 24–29.

12. Izmajlov A. A. Chehov. 1860–1904 = Chekhov. 1860-1904. Moskva : Zaharov, 2003. 480 s.

13. Illjustrirovannaja jenciklopedija simvolov = Illustrated encyclopedia of symbols / sost. A. Egazarov. Moskva : Astrel', AST, 2003. 723 s.

14. Karpenko Ju. A. Imja sobstvennoe v hudozhestvennoj literature = Proper names in literature // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 1986. № 4. S. 34–40.

15. Kataev V. B. A. P. Chehov = A.P. Chekhov // Russkaja literatura XIX–XX vekov: v 2 t. 9-e izd. Moskva : Izd-vo MGU, 2008. T. I. S. 498–501.

16. Kormilov S. I. Imena, otchestva i familii literaturnyh personazhej: k probleme izuchenija = Names, patronymics and surnames of literary characters: to the research problem // Literaturnye proizvedenija XVIII–XX vekov v istoricheskom i kul'turnom kontekste. Moskva : Izd-vo MGU, 1985. S. 160–178.

17. Losev A. F. Filosofija imeni = Philosophy of name. Moskva : Izd-vo MGU, 1990. 269 s.

18. Ninov A. Bunin v «Znanii» = Bunin in «The Knowledge» // Russkaja literatura. 1964. № 1. S. 184–200.

19. Poltavec E. Ju. Lev Tolstoj i Ivan Bunin – «pticy nebesnye» russkoj literatury (2015) = Leo Tolstoy and Ivan Bunin – «Birds of Heaven» in Russian literature (2015). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/poltavec-lev-tolstoj-i-ivan-bunin.htm> (data obrashhenija: 10.02.2023)

20. Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka = In the three-dimensional linguistic space. Moskva : Lenand, 1985. 331 s.

21. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury = Constants: dictionary of Russian culture. Izd. 2-e. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 989 s.

22. Timenchik R. D. Imja literaturnogo personazha = A literary character's name // Russkaja rech'. 1992. № 5. S. 25–27.

23. Tihonov A. N., Bojarinova L. Z., Ryzhkova A. G. Slovar' russkih lichnyh imen = Dictionary of Russian personal names. Moskva : Shkola-press, 1995. 736 s.

24. Tumarkina L. M. Antroponimika i problema ponimaniya hudozhestvennogo teksta = Anthroponymy and

the problem of understanding literary text // Teorija i praktika literaturovedcheskih i lingvističeskijh issledovanij. Moskva : Izd-vo MGU, 1988. S. 79–83.

25. Тунжанов Ю. Литературный факт = A literary fact // Тунжанов Ю. Поэтика. Историја литературы. Кино. Москва : Nauka, 1977. S. 253–254.

26. Тјупа В. И. Художественность чеховского рассказа = The artistry of Chekhov's stories. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 135 s.

27. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение = Chekhov's world: origin and establishing. Moskva : Sov. pisatel', 1986. 350 s.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.